

Н О В Ы Й Г Р А Д

под редакцией
И. Бунакова и Г. Федотова

8

П А Р И Ж
1934

С о д е р ж а н і е :

<i>Г. Федотов.</i> Основы христіанской демократіи	3
<i>Ф. Стетун.</i> Идея Россіи и формы ея раскрытія	15
<i>Прот. С. Булаков</i> Нація и челоуѣчество	28
<i>П. Биццли.</i> К проблемѣ возрожденія культуры	39
<i>В. Вейдле.</i> Одиночество художника	52
<i>Б. Ижболдин.</i> Германскій націонал-соціализм	63

И д е и ж и з н ь

<i>С. Жаба.</i> Новая партія или новая Франція	82
--	----

Основы христіанской демократіи

Современное церковное сознание гораздо легче раскрывается для идеи социальной, чѣм для идеи демократической. В противоположность XIX вѣку, когда социализм был пугалом для христіан всѣх исповѣданій, неустанно обличаемой ересью, в наши дни примирение христіанства с социализмом совершается с чрезвычайной легкостью. Большинство русских так называемых пореволюціонных теченій возникают на почвѣ социального православія. Стоило поблекнуть миру капиталистической долговѣчности, и стало сразу явным, как глубоко социализм укоренен в христіанствѣ: в евангелии, в апостольских общинах, в древней церкви, в самом монашествѣ, в социальном служеніи средневѣковой, как западной, так и русской церкви. Выясняется окончательно, что социализм есть блудный сын христіанства, нынѣ возвращающійся — по крайней мѣрѣ, отчасти — в дом отчій.

Но радость этого возвращенія омрачается одним обстоятельством. Тельцом, закалаемым на семейном торжествѣ, оказывается свобода и демократія. В самом социализмѣ обнаружилась двойственность его происхождения: контр-революціонная генеалогія его (от Сен-Симона) утверждает себя против революціонной (Бабефа).

Смѣшавшіяся в Марксѣ двѣ крови возстали нынѣ друг на друга. И к воцерковленію стремится социализм черный, а не красный. Ненависть к свободѣ, которой он одержим, находит отклик в древнем аскетическом и авторитарном отрицаніи свободы, которое гнѣздится во всѣх темных углах и закоулках стараго христіанскаго дома. Для блуднаго сына, повидимому, естественно, каюсь проклинать свою «постылую свободу». Но что если в отрицаніи ея сказывается не одно покаяніе, но и отрыжка тѣх рожков, которыми он так долго питался в не очень чистоплотном обществѣ? Свобода чужда не только для нных аскетов, свобода чужда и для свиней.

В настоящей статьѣ мы дѣлаем попытку поставить вопрос

о том, совмести́мы ли свобода и демократія с христіанством. Вопрос этот для западнаго христіанства давно рѣшен. Для протестантизма уже тѣм фактом, что он сам является отцом современной свободы и демократіи, выкованных в революціонной борьбѣ кальвинизма за свободу вѣры и за царство народа Божія. В католичествѣ предпосылки для положительнаго отвѣта даны в средневѣковѣ, в вѣковой борьбѣ церкви против монархій с их тенденціей к абсолютизму, в народном характерѣ средневѣковой церкви. Эпоха абсолютизма, длившаяся три столѣтія, связала крѣпко римскій католицизм с системой абсолютных монархій. Но паденіе их расчистило путь древней гвельфской идеѣ. вмѣстѣ с возрожденіем томизма, современное католичество — пусть не очень рѣшительно — становится на защиту свободы (перед лицом государства) и демократіи (перед лицом тираніи). Настоящей и мучительной проблемой свобода (и демократія) остается для православія. Пусть либеральная мысль XIX столѣтія — от Хомякова и до Соловьева — боролась за освоеніе этой идеи православіем. Ея аргументація отпиралась не от православнаго преданія, а от отвлеченных начал. В этих началах противники видѣли (и с полным правом) выраженіе западно-христіанскаго церковнаго опыта. Против пересадки его на православную почву протестовали и протестуют самые горячіе и самые глубокіе умы, воспитанные в восточной традиціи. Связь Іоанна Кронштадтскаго с Союзом Русскаго Народа не легко вытравить из исторической памяти. Достоевскій, Побѣдоносцев, Леонтьев, Розанов... Рядом с такими противниками демократіи слишком блѣдными и хилыми кажутся зачастую ея православные защитники. В настоящее время, когда демократія терпит крушеніе в большей части европейскаго міра, ея защита для православнаго богослова и социолога дѣлается особенно трудной. Общія предпосылки христіанскаго общежитія, которыми жил XIX вѣк, перестают быть убѣдительными для наших современников. Тѣ, кто вѣрит, как новгородцы, в их божественное происхожденіе, обязываются к новой апологіи вѣчных истин. Наша принадлежность к восточной традиціи христіанства — для одних по исповѣданію,

для других по Россіи и русской идеѣ — создает необходимость ставить эту апологію на почву православной традиціи.

В дальнѣйшем мы дѣлаем попытку намѣтить тот путь (один из путей), на котором такая апологія возможна. Теоріи православнаго демократическаго государства еще не существует. Разработка ея должна исходить из существующей (еще не умершей) теоріи православнаго царства. Говоря о демократіи (как выше о социализмѣ), мы имѣем в виду не конкретный политическій строй Европы XIX столѣтія, а тѣ вѣчныя начала, на которыя опираются эти — быть может, исторически изжитыя — формы демократіи, и на которыя могут опираться неоформленныя демократіи будущаго. Для европейской демократіи, как преемницы либерализма, существенен, в отличіе от демократій античных, не монизм, а дуализм основных начал. Эти начала суть: власть народа и свобода личности.

*
**

Православіе полторы тысячи лѣтъ жило в органической, болѣе того, — сакральной связи с царской властью, и нерѣдко подвергалось искушенію догматизировать эту власть. Не только для митрополита Антонія (Храповицкаго), но и для Владиміра Соловьева царство есть вѣчная религіозная категорія, подобная священству. Что само царство в Византіи пріобрѣтало нѣкоторыя священническія функціи (вѣручительную и каноническую власть), это совершенно безспорно. Было бы неосторожно выводить эти религіозныя функціи царской власти из сакраментальнаго акта помазанія. Преемники Константина вѣками правили христіанским міром, опредѣляли догматы, ставили патріархов без всякаго помазанія. Древнѣйшія извѣстныя нам помазанія византійских царей относятся к IX вѣку. Но уже при Юстиніанѣ (VI вѣк) отношенія церкви и государства отлились в отчетливую, классическую форму.

Не христіанство создало царскую власть в имперіи: оно нашло ее существующей. Эта власть глубоко коренилась в языческих религіозных вѣрованіях: в культѣ героев, в обожествленіи безсмертнаго начала человѣка (его «генія»), в обожествле-

ни самого государства. Формы бюрократического деспотизма, в которых отлилась римская империя, сами по себе чужды греко-римскому духу: они пришли с Востока, в результате резкой ориентализации Империи. Двойное язычество соединилось, чтобы создать ту человекобожескую власть Кесаря, которая столько веков гнала церковь. Для автора Апокалипсиса Римская Империя является царством Звѣря и Блудницы. В своем социально-политическом строе, даже в нравственных основах своей политики империя Константина ничѣм не отличается от империи Диоклетiana. Цѣлый ряд языческих сакральных форм культа Кесаря продолжают жить в Византии в сочетании с литургическими формами христианства. Как же оказалось возможным христианское помазание «Звѣря» и даже культ его?

Один из возможных ответов гласил бы: императорская власть, подобно другим заветам эллинизма христианству, есть провиденциальное установление: таков греческий язык Нового Завета, философия Платона, литургика мистерий и т. д. Серьезное возражение против этой теории заключается в том, что рост императорской власти в Империи является слѣдствием (и, конечно, защитой против) упадочных социальных процессов, обозначающихся с I века нашей эры. Экономическое обѣднение, гибель городского самоуправления, закрѣпощение крестьянства и других сословий, возврат к натуральному хозяйству, падение гражданского патриотизма и гибель личной свободы — такова социальная обстановка, в которой развиваются, как императорская власть, так и христианская церковь. Одним из роковых обстоятельств в истории христианства является то, что юность его совпала с дряхлостью древняго мира, и что старческие недуги эллинизма отравляли церковное общество. Печать декаданса не могла не лечь особенно на социальную этику христианства. Деспотизм государства освящался наряду с рабством, с домостроем семьи, со всѣми формами социального гнета. Западная Церковь с самого начала средних веков освободилась от этого тяжкаго груза социальной традиции Рима. Восточная в Византии никогда не могла освободиться от него совершенно, в России — послѣ острой византизации XVI столѣтія — освобождается постепенно лишь под животворным вѣяніем гуманизма XVIII ве-

ка. Нѣтъ, эллинистическій корень монархіи плохая опора для оправданія православнаго царства.

К счастью, у этого царства есть иной корень — в Вѣтхом Завѣтѣ. Всѣ соціальные элементы христіанства завѣщаны ему не эллинизмом, а іудаизмом. В пророчествѣ Израиля задана вѣчная тема соціального христіанства, в книгах Судій и Царств — его политическая тема. Не подлежит сомнѣнію, что в извѣстный період исторіи Израиля царская идея сливалась с идеей месіанской. Грядущій Мессія — Царь Израилев, из дома Давида, возсоздатель былой славы, осуществитель правды. Отблеск месіанскаго величія падал на всѣх давидидов, на предков Мессіи, заставляя предчувствовать в каждом из них божественныя возможности. Отсюда трудность для нас точнаго опредѣленія лица месіанских псалмов. «Не прикасайся помазаннику Мою»... К кому относятся эти слова, столь прочно связавшіяся в наших ушах с носителем русской императорской власти? К преемникам Давида, а через их голову к чаемому Мессіи — или к самому Мессіи и, отраженно лишь, к его предкам? И то и другое справедливо. Неприглядна и исторически неудачна исторія еврейских царств. Два великих имени — Давида и Соломона — должны искупить грѣхи и слабости всѣх потомков. Пророческій, неподкупный суд Израиля обнажает беспощадно всѣ больныя мѣста національной исторіи. Но на всю ее падает отраженный свѣтъ грядущаго преображенія. Каждый правнук Давидов призван быть помазанником Божіим, носителем правды, спасителем народа. Его корона скована не из реального золота власти и силы, и из чаяній и символов. Это они сообщают его человѣческой немощи божественное величіе.

Нельзя забывать, что царство в исторіи Израиля было лишь одной из форм теократіи — и с точки зрѣнія теократіи — не самой удачной. До царей боговластіе осуществлялось через судій, послѣ царей — через жречество — священство. Библия недвусмысленно показывает, что царство явилось, как уступка духу времени и языческому окруженію Израиля. «Поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов». Книга Царств (1, 8), не скрывает, как тяжка была в очах пророка и в очах Божіих эта измѣна непосредственной теократіи: «Не

тебя они отвергли, но Меня, чтобы Я не царствовал над ними». Царство Божіе полнѣе осуществлялось в первобытном племенном строѣ Израиля, когда государственное служеніе несли харизматическіе вожди народа: пророки и судіи. Судія и есть библейское имя харизматическаго народнаго вождя: вынесенный на гребень волны посланничеством Божіим и историческим часом, он, совершив свое дѣяніе, возвращается в лоно народа, из котораго вышел. Отсутствие народнаго избранія препятствует говорить о демократическом характерѣ судей и их власти. Их народный характер несомнѣнен: замѣните пророческое призваніе правовым законом, и за Гедеоном и Іефѳаем, вы увидите Цинцината и Камилла, возвращающихся послѣ спасенія отечества к своему плугу.

Нерѣдко видѣли в монархіи высшее торжество личнаго начала, и потому наиболѣе соответствующую христіанству форму власти. Как раз наоборот. Монархія, т.-е. наследственная власть, означает первенство крови, родового (языческаго) начала над личным призваніем, которое говорит всего сильнѣе — не в ропотѣ народной толпы, — но в дерзаніи народнаго вождя.

За смѣной исторических форм власти остается единственный несомнѣнный герой религиозной драмы — сам Израиль, живой народ, возлюбленный Божій, в своих подвигах и паденіях, в вѣрности и измѣнах, призванный к рожденію Мессіи. Сам народ этот, как и его цари, является субъектом мессіанских обѣтованій: это он призван царствовать над языками, это он Помазанник Божій. Все равно, как осуществляет он в государствѣ свое призваніе: народ — царь, обладающій, рядом с пророчеством и священством, особой харизмой власти.

В Новом Завѣтѣ Церковь унаслѣдовала обѣтованія Израиля: в ней продолжаютя древнее священство и пророчество — продолжается и царство. В римском ли кесарѣ? Но уже в посланіи (1, 9) апостола Петра всѣ христіане именуется: «род избранный, царственное священство». Было время — исторически необходимое и оправданное — когда народ христіанскій отдал римскому кесарю свои царственныя права. Но возмужав, он сам берет на себя вѣнец и бремя царскаго служенія. Христіанская демократія есть не безцарствіе, но царство на-

рода Божія. Демократическая теорія народнаго суверенитета, разливающая суверенитет между всѣми личностями, составляющими народ, является секуляризованным отраженіем той же идеи. Демократія в Европѣ долго говорила христіанским языком — в коммунах средневѣковья, в республиках реформаціи, прежде, чѣм заговорить на языкѣ Руссо. Но и в рѣчах Руссо можно узнать дух женеvской теократіи Кальвина. В православіи, столь связанном с византизмом, на русской землѣ создавались христіанскія демократіи Новгорода, Пскова, Вятки. Их сакральная порфира (по крайней мѣрѣ, в Новгородѣ) была не менѣе пышной, чѣм у царей московских. Не разрывать эту порфиру должна демократія, но надѣть на свои плечи. Иконоборчество демократіи XIX вѣка есть явленіе духовнаго распада, которое не предвѣщает ей ничего добраго. Это продукт общаго разложенія религіозной культуры. Напрасно думать, что монархія имѣет какія-то преимущества передъ ней. Напротив, лоскутъ пурпура, вшитыя в современный пиджак (конституціонный монарх Запада) или в офицерскій мундир (Романовых и Гогенцоллернов) оскорбляют своей безвкусицей болѣе, чѣм пиджачное собраніе парламента. Но наша эпоха требует символов, требует литургическаго преображенія жизни. У большевиков и у гитлеровцев равно бродят сакральныя страсти. Должны онѣ проснуться и в демократіи. Таким сакральным одѣяніем может быть для нея только символ всеобщаго царства, который не мыслим без возрожденія истинной харизмы власти.

Харизма власти, разлитая по всему социальному тѣлу, собирается в сгущеніях силовых точек: в каждой группѣ людей есть природныя вожди, которые умѣют руководить, которым пріятно повиноваться. Это дарованія личныя; они чрезвычайно рѣдко передаются по наслѣдству, и не покупаются вмѣстѣ с социальными привилегіями. Порок монархических и аристократических обществ состоит именно в обезличеніи власти, отвлеченіи ея от личнаго дара. Смысл и призваніе демократіи — в освобожденіи личной харизмы власти, а вовсе не в ея обезглавленіи и раствореніи в коллективѣ. Чѣм может помянуть себя в исторіи демократія? Именами Перикла, Гракхов, Вашингтона... Но безличной остается Венеціанская аристократическая рес-

публика, безличным может остаться и Византийское священное царство. Когда демократія перестает быть формой отбора природных вождей, это свидѣтельствуеет о ея болѣзни. Болѣзнь может привести ее к смерти, т.-е. замѣнѣ личнаго начала власти — началом наследственным или механическим. Современная демократія Запада явно больна этой болѣзнию: она перестает давать вождей. Но призваніе вождей говорит в наше время сильнѣе, чѣм когда-либо, и массы идут за ними. Явное указаніе на порок системы, которая внутри себя не дает простора для природных вождей.

Кто же является в христіанской демократіи носителем харизмы власти? И весь народ (Израиль), и каждый гражданин — носитель царственнаго священства, — и выдвигаемые народом вожди (судіи).

Попробуем сопоставить порядок царства с порядком священства — с тѣм, в котором (синекдохически) иногда видят все содержаніе Церкви. Идеал православнаго строя священства называется соборностью. В каком отношеніи находится начало соборности к демократіи?

Если под демократіей понимать механическую систему, построенную на числѣ и равенствѣ социальных атомов (продукт XVIII вѣка), то соборность есть коренное ея отрицаніе. Но она содержит в себѣ начала истинной демократіи, в христіанском ея смыслѣ. Разумѣется, в исторіи соборность церковная осуществляется весьма несовершенно: в этом отношеніи она едва ли удачливѣе политической демократіи. Но посмотрим на ея принципы, как они сложились в цвѣтушую эпоху церкви — в ея священном правѣ.

Безспорное отличіе священства от царства — в приматѣ для перваго сакраментальнаго начала, начала священной традиціи, апостольскаго преемства. Не помазанный царь (Юстиніан) есть царь, не рукоположенный священник не священник вовсе. И тѣм не менѣе одно идущее сверху вниз іерархическое начало (римско-католическій принцип) не образует еще православной соборности: оно нуждается и в иной санкціи — народной воли. «Аксіос» народа — слабый остаток древняго избирательнаго начала. Ни один епископ не может быть навязан паствѣ